

1917: имеем ли право забыть?!

1917: Have we the right to forget?!

*Кибасова Галина Петровна,
Доктор философских наук, кандидат исторических наук
профессор кафедры истории и культурологи ГБОУ ВПО
Волгоградский государственный медицинский университет
Волгоград, Россия
galina-kibasova@yandex.ru*

Аннотация

В последние годы значительно снизился интерес ученых к событиям 1917г., которые попали в разряд незначительных и недостойных общественного и научного внимания. Данная ситуация таит в себе серьезные проблемы и последствия, от которых предостерегал В.О. Ключевский.

Abstract

In recent years, the interest of scientists to the events of 1917 significantly decreased. The events fell into the category of minor and unworthy of public and scientific attention. This situation is fraught with serious problems and consequences, which warned of V. O. Klyuchevsky.

Ключевые слова: 1917 в истории России, история как процесс, варианты исторического развития, альтернативность истории

Keywords: 1917 in the history of Russia, history as a process, variants of historical development, alternatives of history

«История ... ничему не учит, а только
наказывает за незнание уроков».

В.О. Ключевский

Отношение к истории 1917 г. среди отечественных учёных и в обществе в целом не один раз кардинально менялась. В советское время 1917 г. был датой отсчёта всей мировой истории новейшего времени. Всё, что было до, считалось подготовкой, а всё, что было после – следствием этих событий. После 1991 года эта тема была отдана на откуп публицистам и прагматичным разоблачителям от науки. Завершением этого процесса стало «исключение» в 2004 году Государственной Думой 7 ноября из списка праздничных дат, что как бы вывело все события 1917 года из числа актуальных научных тем. Сегодня можно констатировать потерю интереса исследователей к данной проблематике.

Здесь нужно отметить ещё один важный факт. Дело в том, что в 70 – 80 гг. тогда в Ленинграде, а с 1991 года в Санкт-Петербурге вопреки официальным установкам сложилась весьма серьёзная историческая школа исследователей событий 1917г. Наиболее ярким её представителем стал В.И. Старцев [2]. Однако, изменение политической конъюнктуры привели к тому, что намеченные новые подходы к изучению событий 1917г. были фактически свернуты. Сработал и субъективный фактор: смерть в 1990 году В.И. Старцева. Ему пришлось сполна расплатиться «за неординарность мышления и здоровый охотничий инстинкт историка-профессионала, заставлявший его энергично добиваться введения в научный оборот новых исторических данных и идей, пусть и противоречивших привычным догмам, – от подлинных цифр потерь при штурме Зимнего дворца до истинной роли российского политического масонства накануне и в ходе революции [3]. В 90-е годы стали преобладать душещипательные истории краха Российской империи, трагической судьбы последнего императора, а также немецко-большевистского заговора против России и т. д. [12]. Хотя, подчеркнем, что В.И. Старцев и его последователи первыми поставили вопрос об альтернативах 1917 г.

С нашей точки зрения, столетний рубеж уже достаточный срок для того, чтобы вернуться к переосмыслению этих событий, к возрождению всего многообразия точек зрения, для глубокого анализа проблемы. Этого требует историческая ответственность.

И ещё один актуальный момент. Последние недели мы живем в условиях нарастающей межпартийной борьбы. Дискуссия современными российскими партиями ведётся на весьма примитивном уровне. Можно, конечно, обратиться к опыту других стран (параллельно в США ведутся яростные политические баталии), хотя полезнее обратиться к своему, отечественному опыту. Именно в 1917г. велась открытая, аргументированная, бескомпромиссная политическая борьба, которая для современных российских политиков может представлять особый интерес.

Важно учитывать то, что события 1917 – 1921 годов представляют единый и неразрывный комплекс. Ибо свержение самодержавия, а затем Временного правительства,

Гражданская война и иностранная интервенция настолько тесно связаны между собой, что составляют некий единый период, стержнем которого было крушение старой имперской системы и утверждение новой, Советской (а точнее большевистской) власти, сопровождавшееся крупномасштабной Гражданской войной и вооруженной интервенцией держав Антанты.

Проблема с оценками событий 1917 года, очевидно, в том, что всё ещё преобладает линейно-детерминистский взгляд на исторический процесс. Он воспринимается как река, «текущая» по определённом руслу, которое можно перекрыть (дамбой), изменить, повернуть вспять её течение. Поэтому такими модными были рассуждения о том, что нужно было «остановиться на Феврале», что большевики изменили «естественный ход» событий», и даже выступили «насильниками» по отношению к истории (о, бедная история!). Но история не течёт по определённому руслу, история – это, прежде всего, борьба и взаимодействие множества тенденций, через которые и прокладывает себе дорогу историческая закономерность. История всегда многовариантна, многомерна, альтернативна, и, следовательно, перекрыть её течение нельзя, поскольку нет этого течения, а есть постоянный выбор альтернатив. Мы только можем попытаться понять, почему осуществилась та или иная альтернатива, такую попытку и предпримем в данной работе.

Главная альтернатива в развитии событий после Февраля 1917 года была следующей: или путь гражданского мира и народного согласия при сохранении власти в руках Временного правительства во главе с А.Ф. Керенским, или вооруженное свержение Временного правительства и как следствие Гражданская война. Такое свержение могло произойти как справа, контрреволюционными силами, так и слева, силами, которые отстаивали необходимость доведения революции до конца и отстранения буржуазию от власти, в силу её неспособности решать задачи даже буржуазной революции. Каждый из исторических вариантов осуществляется через конкретные силы, во главе этих сил стояли конкретные партии со своими лидерами. Через конкретные личности, главная альтернатива 1917 года выглядела так: Керенский, Корнилов или Ленин [11, 35.]. Рассмотрим каждый из этих вариантов и попробуем ответить на вопрос, «почему случилось то, что случилось?».

Был ли возможен первый вариант – достижение народного согласия? Были у Временного правительства шансы сохранить власть? На все эти вопросы можно ответить утвердительно. Прежде всего, потому, что вплоть до сентября 1917 года Временное правительство поддерживало большинство населения страны, а Керенский был всенародным любимцем, доверие к нему достаточно долгое время объединяло людей разных политических взглядов. В. М. Чернов, лидер российских эсеров писал, что в первое время после Февральской революции «Керенский обладал популярностью, ... несравнимой ни с чьей: он был идолом

толпы...он был фактически самым сильным человеком в правительстве» [13, 55]. В ноябре, уже при большевиках, проводились выборы депутатов Всероссийского Учредительного собрания. Большевики получили только 25% голосов, а кадеты, меньшевики и эсеры – более 70% голосов [4, 64].

Осуществление этой альтернативы было возможно при следующих условиях. Во-первых, если бы Керенский пошёл на формирование Советского социалистического правительства, даже без большевиков, а только при участии «умеренных» социалистов. Во-вторых, если бы Временное правительство пошло на решение хотя бы одного из самых больных вопросов – или о земле, или о мире. В-третьих, если бы основные политические партии отказались бы от «обвальной критики» деятельности Временного правительства и А.Ф. Керенского. В-четвёртых, если бы большевики отказались бы от курса на вооруженное восстание. Например, если бы Ленин не получил бы большинство голосов на заседании ЦК РСДРП (б) 10 октября 1917 года. Решительность действий Ленина, его готовность идти на шантаж ЦК большевиков, говорит о том, что сопротивление «мягких большевиков» (Каменев, Зиновьев, Милютин, Рыков) было достаточно сильным. Даже в ноябре 1917 года была угроза раскола партии большевиков на «жестких» (никаких компромиссов, коалиций и т.д.) и «мягких» (создание Советского правительства из представителей всех российских социалистических партий) [1, 26-35].

Следует признать, что этот вариант развития событий 1917 года обусловлен слишком многими «если». Каждая партия в борьбе за, казалось бы, легкодоступную власть руководствовалась узкоэгоистическими интересами. При таком подходе события «вырывались» из рук политических лидеров, поскольку лидеры действовали без учёта настроения народных масс, в том числе, настроения своих низовых организаций [6, 233].

Второй путь, вооруженное свержение Временного Правительства и как следствие Гражданская война, имел несколько вариантов развития. В течение августа 1917 этот путь «апробировали» контрреволюционные силы во главе с генералом Г.Л. Корниловым. Установление военной диктатуры было последней надеждой генералитета остановить нарастающий хаос в стране, сохранить дееспособность армии и выполнить союзнические обязательства. Для этого было необходимо решительно расправиться со всеми революционными проявлениями. П.Н. Милюков писал, что для Корнилова не только депутаты Петросвета, но и социалисты, например, министр Чернов были изменниками, предателями и германскими агентами, он всем им готовил «варфоломеевскую ночь» [9, 112]. Таким образом, генералитет не остановился бы перед самой кровавой «гражданской войной», поскольку вся страны была «больна революцией». Но даже военные не смогли остановить «скатывание»

страны в революцию. Провал заговора генерала Корнилова показал, что правые силы разобщены, немногочисленны, армия окончательно разложилась и не подчиняется генералам.

На свержение Временного Правительства была направлена и тактика большевиков, но это в 1917 году – один из вариантов развития. Какие условия делали его реальным? Во-первых, стремительная радикализация массовых настроений после провала Корниловского мятежа. Степень озлобления в массах была столь велика, что в любой момент могла вылиться в народный неуправляемый бунт. В письмах в ЦК РСДРП (б) из провинции отмечалась усталость, отчаяние масс и «нарастающий уклон» к анархизму, писали, что в провинции народ «бурлит». Саратовский корреспондент подчеркивал, что «возможно, скоро даже большевистские Советы не в состоянии будут сдерживать обезумевшие от страданий массы». [10, 143-144]. Ленин писал в сентябре 1917 года, что массы в тысячу раз радикальнее, чем эсеры и меньшевики, и в сотни раз, чем большевики [7, 263].

Во-вторых, Ленин, был уникальным политиком-практиком, он шёл к цели, используя любые средства. В силу этому он буквально «дожал» ЦК большевиков и смог получить большинство по вопросу о вооружённом восстании, а несогласных «связал» официальным решением ЦК и принципом «демократического централизма».

В-третьих, Керенский на посту премьер-министра действовал совершенно неадекватно ситуации. Вместо конкретных действий он впал «в патологическое состояние паралича воли» [9, 123]. С требованиями конкретных шагов (в вопросах о войне и о земле) к нему обращались советники американского посольства Томпсон и Робинс, авторитетный меньшевик Фёдор Дан, военный министр генерал Верховенский, управляющий делами Временного Правительства, член партии кадетов Набоков. Но безрезультатно! Он отвергал любые предложения и бездействовал. Керенский неоднократно заявлял, что рад готовящемуся выступлению большевиков, потому, что оно даст повод разгромить их окончательно, уверял, что у него имеется достаточно сил, чтобы «разделаться с большевиками раз и навсегда». И... продолжал бездействовать. Позднее он это бездействие пытался оправдать: «...Сначала (до сентября) социалисты не хотели или не считали себя в праве одни, без буржуазных элементов взять на себя всю формальную ответственность за судьбу государства; потом многие из них захотели, но это оказалось невозможным, ибо отрываясь от радикальной буржуазии, советские и социалистические группы и партии не могли рассчитывать на коалицию с контрреволюцией слева – с большевиками» [5, 279]. Очевидно, до последних дней он так и не смог решиться: принять ли программу кадетов или умеренных социалистов. Этим, как мы думаем, и вызван паралич политической воли.

Последнее, но главное, за 1917 год у власти перебивали все основные политические партии. Её пробовали удержат октябристы и кадеты, затем меньшевики и эсеры. К осени 1917

года власть в этой голодной, разорённой, воюющей и бунтующей стране «отпугивала» всех, кроме большевиков. В силу ли радикализма Ленина, или отсутствия среди большевиков достойных ему оппонентов (с интеллектуалами, да и просто образованными людьми, у большевиков была «напряжёнка»), в силу ли легковесных представлений о возможности удержать власть и способности использовать массовые настроения, но только большевики к осени 1917 года хотели взять власть. П.Н. Милюков по этому поводу пишет в воспоминаниях: «Общие причины, коренившиеся в положении России, так и партийные причины, вытекающие из характера и тактики социалистических партий, из их близости к большевикам, так и личные причины – заложенные в характере Керенского – сделали победу большевиков неизбежной» [8, 97]. Далее лидер кадетов делает весьма красноречивое заключение: «Власть как созревший плод упала в руки большевиков».

Литература:

1. Бурганов А.Х. Была ли возможность создания демократического правительства после Октябрьской революции? // Вопросы истории. 1993. №5. – С. 26-38.
2. Виталий Иванович Старцев (1931-1990): Библиографический указатель/ Сост. И авт. Библиограф. Очерка А.Б. Николаев. – СПб.: Нестор, 2001. – 72с.
3. Виттенберг Б.М. История и историки 1917-го: прежняя жизнь, другая жизнь// НЛЮ, 2001, 52. Интернет адрес: <http://magazines.russ.ru/nlo/2001/52/viten.html> (дата обращения 05.09.2016)
4. Всероссийское Учредительное Собрание. Первый и единственный день его занятий (5-6 января 1918 года): Стенографический отчет. Репринтное изд. 1918 г. Киев: Абрис, 1991
5. Керенский А. Февраль и Октябрь //Современные записки. – Париж, 1922, № IX
6. Кибасова Г.П. Межпартийная борьба на Нижней Волге в 1917 г.: советская историография// Стрежень: Научный ежегодник/ под ред. М.М. Загорулько. Вып. 5. – Волгоград: Издатель, 2006
7. Ленин В.И. ППС. Т. 32. С. 263
8. Милюков П.Н. Воспоминания (1859 – 1917). Т. 2. – М.: Современник, 1990
9. Милюков П.Н. История второй русской революции. Вып.2. София, 1922
10. Саратовский Совет Рабочих Депутатов (1917-1918. Сб. док. Под ред. В.П. Антонова-Саратовского. – М.-Л.: Соцэкгиз, 1931
11. Старцев В. Альтернатива. Фантазии и реальность // Коммунист, 1994, № 15
12. Тайна Октябрьского переворота: Ленин и немецко-большевистский заговор: Документы, статьи, воспоминания. СПб.: Алетейя, 2001
13. Чернов В. Советы в нашей революции//Год русской революции1917-1918. М. 1918